

Ма-аленькая!

...И была она, браток, телом-ту ма-аленькая!.. Каждый раз, как я вспоминаю эту фразу, из дали прошлого мне улыбаются две пары подслеповатых, старческих глаз, улыбаются такой тихой, ласковой улыбкой любви, сожаления, и в ушах звучат два надтреснутые голоса, одинаково характерно подчеркивавшие то обстоятельство, что она была ма-аленькая!..

И мне делается так хорошо и легко от этого воспоминания, лучшего за все десять месяцев моего хождения пешком по кривым дорогам нашей родины, такой большой и такой печальной...

По пути из Задонска в Воронеж я догнал двух богомольцев старика и старуху. Обоим им с виду было лет полтораста; они шли так медленно и неумело, тяжело двигая ступни по горячей пыли дороги, и оба имели в физиономиях и в одежде еле уловимое нечто; это нечто сразу позволяло заметить, что старики идут издалека.

Из Тобольской губернии шагам... со господней помощью! подтвердил старик мое предположение.

А старуха на ходу ласково оглянула меня добрыми, когда-то голубыми глазами и, добродушно улыбаясь, добавила, вздыхая:

Из самого Н-ского заводу, деревеньки Лысой будем мы с отцом-то!

То-то, чай изустали?

Мы-то? Ничего! Пока двигаемся... ползем божьей милостью!..

По обету, что ли, али так, старости ради?

По обету, браток... Обещанье, значит, дали киевским и соловецким угодникам божиим... Да... снова подтвердил старик. Мать! посядем, вздохнем маленько? обратился он к спутнице.

Ну что ж? согласилась та.

И вот мы сели в тень от старой придорожной ветлы. День был жаркий, небо безоблачно, впереди и сзади нас извивалась дорога и уходила в дали, завешенные знойной мглой. Кругом было пустынно и тихо. По оба бока дороги неподвижно стояла чахлая рожь.

Высосали землю-то!.. сказал старик, подавая мне несколько сорванных колосьев.

Мы заговорили о земле и о жестокой зависимости от нее крестьянской судьбы. Старуха слушала нас и вздыхала, порой вставляя в наши речи хорошее, опытное слово.

Кабы жива была она, сколько бы нанудила сердечко свое на таком-ту поле! вдруг сказала старуха, оглянувшись вокруг на полосы низенькой выгоревшей

ржи, испещренные плешинами.
Да-а! уж порадела бы... качнул головой старик.
И оба они вдруг замолчали.
О ком это вы? спросил я.
Старик добродушно улыбнулся.
Тут... вспоминаем об одной...
Стоялка наша была... барышня... вздохнула старуха.
И вдруг оба они, глядя на меня, точно сговорясь между собой, протянули медленно и жалостно, в унисон друг другу:
Ма-анинькая така была телом-ту!..
Это было странно и очень больно резнуло меня по сердцу. Нечто заупокойное звучало в их старых голосах... А они вдруг, торопясь и перебивая друг друга, стали рассказывать так быстро, что мне, сидевшему среди них, оставалось только поворачивать голову от одного рассказчика к другому.
Привез ее к нам урядник и сдал, значит, старосте. Определи ее на постой, говорит...
На квартиру, стало быть, кому-нибудь! пояснила старуха.
Ее к нам и определили...
Глядим, красная вся... дрожит с холоду-то...
А сама така ма-анинькая...
Аж в слезы мы...
Господи, думаем, куда ее таку заслали?
На какую ее потребу? За каку таку провинность?..
А она, слышь ты, отколе-то отсудова...
Из России, стало быть...
Мы ее первым делом на печь...
Печь-то у нас бо-ольша... да тё-епла... сокрушенно вздохнула старуха.
Ну, потом, значит... кормить ее!
Смеется!
Глазенки-те че-ерные... как у мыша...
И вся-то она, как мыша... гладка да кругла...
Отдышалась... плачет... Спасибо, говорит, родимы!
И учала вертеть!!
Уж и начала же!.. с восхищением выкрикнул старик и засмеялся, сощулив глаза.
Кататся тебе по избе-то, как клубок, и гоношит, и гоношит... И то и это... и то поставит так, и это эдак... Лохань с помоем вод, свиньям, говорит, тащите... Да сама ее ихвати ручонками-те, да осклизнулась... да по плечи руки-те в по-омой-то будух! Ах ты...
И оба они засмеялись, задыхаясь и кашляя до слез.

Поросята опять же...
Целует их прямо в рыла!..
Невозможно, говорит. Вон поросёв!
В неделю умучила вот как!
В пот, бывало, вгонит...
Хохочет, кричит, ножонками топает...
А то вдруг потемнится вся, заробет...
Как умрет!..
Да в слезы... Уж ревит, ревит, так это ее сподымя бьет. Кружишься,
кружишься около-то ее... Чего ей? Непонятно... Хотя сама плачь. И плачешь,
бывало... не знай о чем. Обоймешь ее да и зальешься вместе...
Известно... дитё как бы... А живем-то мы одни. Сына в солдаты сдали, а другой
на золотых промыслах...
А ей-то осьмнадцатый, кажись, годок...
Какое! С виду ежели давать, никак не больше двенадцати...
Ну, уж ты больно!.. двенадцати!.. тоже!..
А больше скажешь?.. Как бы!
Чего? Девушка она была сочная... А што малоросла, так это рази что в упрек ей?
А я в упрек говорю? Эко!
То-то!.. добродушно уступила старуха.
Поспорив, старики оба и сразу замолчали.
Ну, а что же дальше? спросил я.
Дальше?.. ничего, браток!.. вздохнул старик.
Умерла она... Огневица ее изожгла, и по морщинистым щекам потекли две
слезинки.
Да-а, брат, умерла... Два годочка только с нами и пожила... Вся ее деревня
знала. Чего вся деревня!.. Многие знали. Грамотейка была. На сходы
хаживала... Кричит себе, бывало... Ничего, умница!..
А главное дело душа!.. Ах, ка-акая душа андельская!.. Всё-то до нее доходило,
всё-то ее сердечушко ведало!.. Барышня ведь как есть городская, в бархатной
кофточке... ленточки... башмачки... Книжки читает и всё это, а крестьянство
понимала, ах, как просто! Всё знала! Откуда толь ты это, милушка? В книжке,
говорит, прописано!.. Н-ну уж!.. Чего бы ей это, зачем? Замуж бы вышла,
барыней была, а тут вот заслали и померла...
И чудно!.. Учит всех... така-то мания!.. да всех это так сурьезно... То не
так, друго не так...
Грамотница... что толковать... Раделица про всё да про всех... Где кто болен
бежит, где кто...
Умирала-то без памяти... бредила только. Мама, говорит, мама!.. жалостно

таково... Поехали было за попом, может, мол, придет в себя... А она, милушка, не подождала... скончалась.

По лицу старухи текли слезы, и мне было так хорошо, точно это обо мне плакали...

Вся деревня собралась к нам... Толкуются на улице и на дворе... Как?!. Как?!. Все ее любили, души не чаяли в ней...

Эх, девчурочка была золотая!.. вздохнул старик.

Всем миром и похоронили... А потом к масленой сорок дён вышло, и сообразились... айда-ка, мол, помолимся за нее!.. И суседи тоже... Чего вы, говорят, и в самделе? Идите-тко! Люди вы, значит, свободные, не рабочие... А ей авось зачтется. Мы и тронулись.

Так это вы за нее? спросил я.

За нее, девочку, родной, за нее! Авось, мол, господь бог батюшка примет нашу грешну молитву, простит ей! И пошли вот на первой поста, как раз во вторник вышли...

За нее!.. повторил я.

За нее, друг! подтвердил старик.

Мне хотелось еще много раз слышать, что, именно желая помолиться за нее, они прошли тысячи верст. На мой взгляд, это было так хорошо, что казалось неправдоподобным. Я подсказывал им другие побудительные причины, желая еще более убедиться, что они пошли именно за нее, маленькую девочку с черными глазами... И к великому моему удовольствию, я, наконец, убедился в этом.

Неужто пешком всё идете?

Нет, куда нам!.. когда и присядем... Поедем с денек, а потом опять... трудимся помалу. Стары уж больно мы пешком-ту всё идти... Господь видит, стары...

Кабы нам ее ножки-то... ну, так ино дело!

И оба они опять вперебой принялись говорить о ней, маленькой девочке, заброшенной судьбой далеко от дома и мамы и умершей от огневицы.

Часа через два мы встали и пошли. Я думал о маленькой девочке, но не мог представить ее себе... и мне было до боли обидно это бессилие воображения. Русский человек плохо умеет представлять себе хорошее, светлое...

Скоро нас догнал хохол на телеге. Он меланхолично оглянул нас и, приподняв шапку на наш поклон, крикнул старикам:

Садитесь, подвезу до деревни!

Они сели и исчезли в облаке пыли... Я долго шел в нем и смотрел, как вдаль исчезала телега, увозя стариков, прошедших многие тысячи верст, чтоб помолиться о маленькой девочке, которая заставила их полюбить себя...